

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/74/12

**«Черт бы побрал их, эти дары!»:
источники семантики ложного дара
в литературном творчестве В. М. Шукшина**

Д. В. Марьин

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию источников семантики мотива ложного дара (подарка) в художественной прозе В. М. Шукшина и в его нехудожественных текстах – дарственных надписях (автографах). Дарственные надписи рассматриваются в качестве материала для выявления понимания дара Шукшиным, т. е. как материал психобиографического анализа, который может пригодиться для интерпретации мотива дара в творчестве писателя. Дарение и дар (подарок) в творчестве Шукшина приобретают оригинальную символику, устойчиво повторяемую в целом ряде произведений. В результате анализа автор приходит к выводу, что в художественном мире В. М. Шукшина дар – это часто ложный, мнимый дар, заменитель настоящего подарка, который к тому же является атрибутом бесовской, нечистой силы.

Ключевые слова

русская литература XX в., жизнь и творчество В. М. Шукшина, художественная проза, дарственные надписи, мотивы и символы дара

Для цитирования

Марьин Д. В. «Черт бы побрал их, эти дары!»: источники семантики ложного дара в литературном творчестве В. М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 158–168. DOI 10.17223/18137083/74/12

**“Hell would take them, these gifts!”:
sources of the semantics of a false gift
in the literary creativity of V. M. Shukshin**

D. V. Maryin

*Altai State University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

The paper studies the semantics sources of the motif of false in literary works of V. M. Shukshin and his non-fiction texts – donation inscriptions. Donation inscriptions are considered as material for revealing the understanding of the gift by Shukshin, i. e. as the psy-

© Д. В. Марьин, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

cho-biographical analysis data, which may be useful for interpreting the motif of the gift in the writer's work. The process of giving and a gift in the works of Shukshin acquire original symbolism, steadily repeated in a number of works. Several donation inscriptions by V. M. Shukshin left on books (his and other writers') and photographs contain the motif of a false gift. This motif is often emphasized in the Shukshin's autographs by indicating the purpose of the gift inscription or by using the imperative. In the prose of V. M. Shukshin, a gift is very often an imaginary, false, empty gift. However, in a number of stories ("Small capron Christmas tree," "Brother-in-law Sergey Sergeevich," "Exam"), the gift motif acquires infernal features. The formation of such a perception of giving and a gift may be due to the circumstances of Shukshin's personal life, his psychological characteristics, and facts of his biography. The analysis leads to the conclusion that in the Shukshin's artistic world, a gift is very often understood as a false, imaginary gift, a substitute for a real gift, which is also an attribute of a demonic, evil spirit.

Keywords

Russian literature of the 20th century, life and work of V. M. Shukshin, fiction, dedicatory inscriptions, motifs and symbols of a gift

For citation

Maryin D. V. "Hell would take them, these gifts!": sources of the semantics of a false gift in the literary creativity of V. M. Shukshin. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 158–168. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/12

Мотив дарения и символика дара, подарка являются одними из самых древних в мировой культуре. Как правило, подарок воспринимается и в сфере бытовых отношений, и на языковом уровне как дар бескорыстный. У В. Даля «дарить» – это отдавать навсегда безвозмездно, отдать даром, приносить в дар, дать подарок [1995, с. 415]. При этом в социальной антропологии, аксиологии хорошо известен и такой феномен, как ложный дар. М. Мосс установил, что фактически ложный дар широко распространен уже в архаических обществах, где дар внешне добровольный, свободный и безвозмездный в то же время носит характер принудительного и небескорыстного [1996, с. 83]. Ж. Деррида указывал, что подлинный дар должен быть воистину «даровым» и не ставить никаких условий, не налагать долговых обязательств. Подарки в обычном понимании, по словам Деррида, – «дурные», нездоровые (цит по: [Маккарти, 2013, с. 111–112]). Для Деррида такой дар – яд [Жак Деррида в Москве, 1993, с. 172]. Согласно учению французского философа, «всегда существует возможность контаминации дара <...> двойником, фантомом или симулякром» [Там же, с. 173], т. е. ложным даром.

В отечественном литературоведении дарение рассматривалось в аспекте трансформации фольклорных мотивов в авторском тексте и в качестве мотива традиционной культуры. Еще В. Я. Пропп отметил, что в русской волшебной сказке даритель, от которого герой получает волшебное средство, испытывает и даже искушает героя. Дар часто предполагает в ответ от героя оказание услуги или становится результатом обмена [Пропп, 1928, с. 51, 93]. Этот принцип, как ни странно, характерен и для литературы соцреализма. И. П. Смирнов отмечает: «Тоталитаризм – дарение без ответа, без взаимности адресата и адресанта. Тоталитарная литература прославляет тех, кто отдает, ничего не требуя взамен» [1999, с. 66]. Советская литература и культура сталинской эпохи достаточно последовательно реализуют данный принцип [Куляпин, Скубач, 2013, с. 208–216].

Предметом исследования настоящей статьи являются источники возникновения семантики ложного дара в литературном творчестве В. М. Шукшина. Среди

48 мотивов и символов, отмеченных в соответствующем разделе трехтомного энциклопедического словаря-справочника «Творчество В. М. Шукшина» [2006, с. 61–141] не нашлось место мотивам и символам, имеющим отношение к дарению и дару. Между тем формально-содержательные компоненты, связанные с дарением и подарком неоднократно встречаются как в текстах художественной прозы, так и в нехудожественном наследии (автографах – дарственных надписях) В. М. Шукшина. Более того, как покажет наш анализ, дарение и подарок в творчестве Шукшина приобретают оригинальную символику ложного дара, устойчиво повторяемую в целом ряде произведений. Отметим особо, что мотив дарения у Шукшина сложен и многоаспектен, и ложный дар – это лишь один из вариантов презентации семантики мотива дара в творчестве писателя. В то же время приводимые нами примеры из литературных произведений Шукшина и его нехудожественных текстов вполне убедительны и свидетельствуют о повторяемости и даже определенной частотности мотива ложного дара.

В качестве основного материала для выявления понимания ложного дара Шукшиным нами использованы нехудожественные тексты писателя – автографы. Под автографом в данной статье понимается особый жанр словесного творчества: разного рода надписи *ad hoc*, дарственные и памятные надписи на книгах, фотографиях и т. д., т. е. тексты, непосредственно сопровождающие акт дарения и становящиеся частью самого дара, подарка. Взятые как материал для психобиографического анализа, они могут предоставить новые данные для интерпретации мотива дара в литературном творчестве Шукшина.

Сразу несколько дарственных надписей В. М. Шукшина, которые он оставил на книгах (своих и других авторов) и фотографиях, содержат мотив ложного дара. Если следовать концепции Деррида, то автограф как дарственная надпись – это заведомо ложный дар, так как он всегда обнаруживает себя как дар. Этот мотив часто усиливается в тексте шукшинского автографа указанием на цель надписи или использованием императива: «Братке – Ване на память. И на пользу. Янв<арь> 1970 г. Москва. В. Шукшин»; «Брату Саше Буркину и жене его Наде – от автора. Брат, хочется, чтоб судьба твоя была немного полегче. Март, 1971 г. Москва. В. Шукшин. Прочитай рас-<ска>з “В профиль и анфас”», «Саше – на память (1954–1971 гг.). Москва. В. Шукшин» и т. п. [Шукшин, 2014, т. 9, с. 84–85]¹.

В некоторых текстах автографов Шукшиным сознательно или несознательно допущены искажения истины. Такие дарственные надписи ложны в прямом смысле. Например: «Константину Александровичу Чижикову на добрую память. Пока своих книг не написал, а Вернадский умный русский мужик – читайте» (т. 9, с. 83). Этот автограф, оставленный Шукшиным на книге В. И. Вернадского 23 апреля 1967 г. после встречи с читателями в городской библиотеке Бийска, содержит очевидную неправду. Ведь к 1967 г. были опубликованы уже три книги В. М. Шукшина². В чем причина подобного ложного утверждения? Возможно, это ирония по отношению к своему писательскому труду. Ведь в 1974 г., за два месяца до смерти, писатель все еще оставался недоволен результатами своей профессиональной деятельности: «Ну, какой результат! За 15 лет работы несколько

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием тома и страниц.

² Шукшин В. М. Сельские жители: Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1963; Он же. Живет такой парень. М.: Искусство, 1964; Он же. Любавины: Роман. М.: Сов. писатель, 1965.

книжечек курых, по 8–9 листов – это не работа профессионала-писателя. 15 лет – это почти вся жизнь писательская. Надо только вдуматься в это! Я серьезно говорю, что мало сделано. Слишком мало!» (т. 8, с. 211).

Еще в одном автографе ошибка допущена, скорее всего, несознательно, тем не менее она очень символична: «Татьяне Гуммер старой знакомой (заочно, через папу), – на добрую память и с добрыми пожеланиями. 5 июня <19>74 г. Хутор Мелоклетский (на Дону). Фильм “Они сражались за Родину”» (т. 9, с. 86). Хутор, где происходили съемки кинокартины, напомним, назывался «Мелологовский». Такая несознательная ошибка может быть свидетельством отношения к получателю автографа, указанием на отсутствие искреннего желания автора поделиться дарственной надписью.

В художественной прозе В. М. Шукшина очень часто подарок – это мнимый, ложный, пустой дар. Обратимся прежде всего к тем рассказам Шукшина, в которых присутствуют дарственные надписи. И здесь характерная семиотика дарственной надписи сохраняется. В одном из ранних рассказов «Экзамен» (1962) приводится дарственная надпись на книге – издании «Слова о полку Игореве»: «Учись, солдат. Это тоже нелегкое дело. Проф. Григорьев» (т. 1, с. 95). Сам акт дарения книги и дарственная надпись на ней венчают рассказ и являются одной из ключевых его сцен [Пешкова, 2007, с. 316]. Но роль автографа выходит за рамки только сюжетного хода. «В рассказе двойниками являются все: и автор «Слова о полку Игореве», и Лермонтов, и профессор, и студент», – утверждает А. И. Куляпин [2012, с. 130]. Действительно, на параллелизм биографий студента-заочника и легендарного князя Игоря недвусмысленно указывает сам Шукшин, одновременно соотнося студента и с автором «Слова»:

– Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! – почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости. – Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?!

Студент стоя некоторое время непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

– Понимаю, – сказал он.

– Так. Что понимаете?

– Я сам в плену был.

– Так... То есть как в плену были? Где?

– У немцев.

– Вы воевали?

– Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. Злой и твердый (т. 1, с. 91).

В таком смысловом контексте на первый взгляд подарок профессора Григорьева – книга с автографом – является бессмысленным, пустым, ложным: он дарит экземпляр «Слова о полку Игореве» двойнику автора произведения, лично пережившего многие коллизии древнего памятника в реальной жизни. Кажется, что дарственная надпись в рассказе выступает пустой, голой фразой, штампом, чей несколько возвышенный стиль дисгармонирует с реальной ценностью дара. Да и ожидания студента относительно подарка обмануты:

Студент вышел из аудитории. Вытер вспотевший лоб. Некоторое время стоял, глядя в пустой коридор. Зачетку держал в руке – боялся посмотреть

в нее, боялся, что там стоит «хорошо» или, что еще тяжелее, – «отлично». Ему было стыдно.

«Хоть бы “удовлетворительно”, и то хватит», – думал он.

Оглянулся на дверь аудитории, быстро раскрыл зачетку... некоторое время тупо смотрел в нее. Потом еще раз оглянулся на дверь аудитории, тихо засмеялся и пошел. В зачетке стояло: «плохо» (т. 1, с. 94–95).

Однако в ранней прозе писателя ложность дара пока не является однозначной. Для сравнения: в позднем рассказе «Ночью в бойлерной» (1974) уже другой профессор – Аркадий Михалыч – готов продать рукопись «Слова» ради покупки норковой шубы для молодой жены:

Любую! – вскричал пьяненький профессор в величайшем горе. – Самую древнюю рукопись!.. «Слово о полку Игореве», если бы имел, – отдал бы, только бы не эта истерика, не этот визг. Все бы отдал! (т. 7, с. 98).

Вновь автор поднимает тему подарка (норковая шуба для молодой жены профессора), и вновь в контексте этой темы встает «Слово», которое становится мерилем цены, которую готов заплатить герой за подарок. Продажа «Слова» в этом рассказе сопоставляется с продажей души черту, а «Слово о полку Игореве», таким образом, для Шукшина становится одной из величайших духовных ценностей.

Обращение к рассказу 1974 г. позволяет нам интерпретировать финал рассказа «Экзамен» следующим образом. Профессор Григорьев дарит студенту-заочнику не просто книгу, а вещь чрезвычайно дорогую для него и в то же время ценнейший памятник русской духовности. Последнее обстоятельство оставляет надежду, что студент все же прочтет «Слово», осознает его величие и роль в русской культуре.

Еще один интересный и символически емкий пример дарственной надписи встречается в рассказе «Капроновая елочка» (1966), где мотив дарения подвергается еще большей инфернализации. Сюжет этого шукшинского рассказа, напомним, достаточно незамысловат: три спутника, два деревенских и один городской ухажер, напрасно прождав на дороге попутную машину, в ночь под Новый год идут пешком в деревню Буланово. Вдруг начинается метель. Они сбиваются с пути, попадая в зверосовхоз «Маяк». Утро герои встречают в избе незнакомого хозяина. Городской ухажер, которому автор придает инфернальные черты, напуганный угрозами деревенских парней, исчезает. Герои возвращаются в деревню, идут к вдове Нюрке, чтобы разобраться с ухажером. Но Нюрка одна, ухажер не явился для встречи Нового года. Так все персонажи рассказа остаются без праздника. «Капроновая елочка» – демифологизирующий вариант текста жанра рождественского рассказа (неслучайно произведение имело первоначальное название «В ночь под Новый год»).

Внимание на себя обращает один из эпизодов рассказа. Ночью в избе в одном из карманов снабженца вместо двух бутылок водки Павел находит «какой-то странный колючий предмет».

Павел вытащил его, зажег спичку – то была маленькая капроновая елочка, увешанная крошечными игрушками. Елочка была мокрая и изрядно помятая у основания. У крестовинки прикреплена бумажка, и на ней написано печатными буквами: «Нюсе, моей голубушке. От Мити» (т. 3, с. 50).

Капроновая елочка – подарок городского ухажера Нюре Чаловой. В рассказе, таким образом, актуализируется мотив рождественского подарка – один из ста-

рейших в мировой литературе и культуре. «Капроновая елочка, оказавшаяся в кармане городского ухажера вместо двух утерянных по дороге бутылок водки, становится символом эрзац-чуда, которое тоже не происходит» [Левашова, 2007, с. 130]. Но мотив дарения осложняется символами эрзаца, заменителя. Искусственная елочка – это эрзац рождественской ели. Отношения городского ухажера и Нюрки – эрзац семьи. Прикрепленная к елочке бумажка с дарственной надписью, без сомнения, – эрзац полноценного общения. Эффективность подобной коммуникации тут же нивелируется автором. Характерно, что записка утром исчезает вместе со снабженцем. Однако содержание дарственной надписи все же доходит до адресата – Нюрки, но с чужих слов и в искаженном виде. «От голубчика Мити» – так Павел перевирает текст надписи в разговоре с Нюрой. В этом шукшинском рассказе автограф (как дарственная надпись) – текст, который выполняет функцию эрзац-общения и, более того, подвергается искажению.

В жизни самого Шукшина также не раз случались моменты, когда косвенное общение посредством автографа заменяло общение непосредственное, живое. В 1950-е гг. – это общение с матерью и сестрой, а затем и с первой женой, М. И. Шумской, в 1970-е гг. – со старшей дочерью Екатериной.

Семейный союз В. М. Шукшина и М. И. Шумской, как известно, не был удачным. По сути, еще до официального создания (16 августа 1956 г.) судьба его была предрешена: семья нуклеарного типа не приемлет территориального разделения. Шукшин, в то время студент ВГИКа, не собирался возвращаться на малую родину, в Сростки, а Шумская не приняла учебы мужа в Москве. Видимость брака – не что иное, как эрзац-семья, поддерживалась будущим писателем вплоть до начала 1960-х гг. Известные исследователям шукшинские дарственные надписи на фотографиях, адресованных невесте, а потом и жене периода 1954–1960 гг. малоинформативны и, более того, часто представляют собой цитаты, чужой текст: «“Я помню чудное мгновенье”. В. Шукшин»; «Что делать? Жениться или не жениться? Москва, Сокольнический переулок, 1954 г.»; «Скучища <зеленая>³, а жить надо! В. Шукшин 1960» (т. 9, с. 82).

В начале 1970-х гг. коммуникация посредством писем и автографов характерна для отношений В. М. Шукшина со старшей дочерью – Е. В. Шукшиной. Исследователям известны три дарственные надписи алтайского писателя периода 1972–1973 гг., адресованные Екатерине Шукшиной: «Дочери Кате – от папы. Там, вдали – это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков. Будь здорова, родная! Папа В. Шукшин Москва 1972 г.»; «Доченьке Кате – на светлую любовь и дружбу! В год, когда ты – первоклассница. Когда ты будешь первокурсница, я, бог даст, подарю тебе толстую-толстую книжицу. Будь здорова, моя милая! Папа В. Шукшин. Март 1972 г.»; «Дочери Кате – на долгую, добрую память от отца. Май 1973 г. г. Белозерск. В. Шукшин» (т. 9, с. 84).

Общение Шукшина с дочерью, родившейся в 1965 г., в силу определенных причин всегда носило опосредованный характер. Однако в 1972 г. произошло сразу два важных события в жизни Екатерины: 4 марта В. М. Шукшин восстановил отцовство в отношении дочери, и она, наконец, стала носить отцовскую фамилию (ранее носила фамилию матери – «Софронова»). Кроме того, именно в 1972 г. девочка пошла в школу и научилась читать. Теперь она сама могла прочитать письма и дарственные надписи на книгах, посылаемых отцом. Содержание текстов автографов свидетельствует о стремлении Шукшина подчеркнуть и утвер-

³ Цитата из повести М. Горького «Городок Окуров» (1910).

доть родственную связь, причем не только с собой, отцом, но и со всей патриархальной семьей («Там, вдали – это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков»), в том числе и с сибирской ее частью (мать – М. С. Кукукина и семья сестры). Но и в этом случае полноценное вхождение Е. В. Шукшиной в патриархальную семью писателя не произошло, остановившись лишь на уровне эрзац-семьи, так часто сопровождавшей жизнь Василия Макаровича. Автограф, как мы уже знаем, в мире Шукшина вовсе не устанавливает прочные связи между людьми.

У нас есть основания считать, что сам Шукшин осознавал ложный характер и своих даров. В одном из ранних рассказов – «Игнаха приехал» (1963) – реализован еще один вариант мотива дарения – подарки, которые привозят родным уехавшие некогда в город родственники. С. М. Козлова указывает на искусственность, поддельную суть таких подарков: «Облик и поведение Игнахи подчеркнута театральны. Он суетливо разыгрывает сценарий: богатые столичные гости, в дорогих ярких нарядах с богатыми подарками, изумляют деревенскую родню» [Козлова, 2007, с. 112]. Подарки Игнаха родным – не искренний, бескорыстный дар, а лишь демонстрация своего социального статуса, благосостояния. Искусственность подарков – следствие искусственного поведения героя. Игнатий хочет казаться в деревне своим, но вынужден подделываться под деревенского жителя, так как давно оторвался от деревенского уклада и вместе с этим от своих корней.

Развитие данного мотива наблюдается в одном из самых известных рассказов писателя – «Срезал» (1970). В тексте рассказа Шукшин скрупулезно описывает подарки, которые привез матери «богатый, ученый» кандидат Константин Иванович: «электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки» (т. 5, с. 72). «Столичный гость подлаживается под деревню и привез искусные подделки деревенских предметов» [Козлова, 1992, с. 124]. Приезд Константина Ивановича в деревню, как и Игнатия Байкалова, полон показных деталей и демонстрации благосостояния: «Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника...» (т. 5, с. 72). Дар кандидата – дар ложный, фантом, симулякр.

Однако, как это ни странно, подобные элементы поведения были не чужды и самому алтайскому писателю. Его племянник С. А. Зиновьев вспоминал, как дядя любил удивить родню подарками: «<...> мы знали, что на московских подарках он (т. е. В. М. Шукшин. – Д. М.) не остановится, и в первый же день шли по сrostинским магазинам, но в начале, конечно же, заходили в книжный. <...> А однажды он купил набор пластинок Федора Ивановича Шаляпина. Проигрывателя у нас не было, и когда в универмаге он увидел «Каравеллу» и купил ее, мы все трое были рады этой покупке, потому что у нас дома были пластинки <...> Днем мы гордо ходили по улицам села, да еще с подарками, которые лелю Вася любил покупать в присутствии нас» [Шукшин, 1999, с. 459]. Известный сценарист А. С. Макаров, так вспоминал поездку в Сrostки в марте 1963 г. во время акции «Молодые кинематографисты – народу»:

С утра к гостинице <...> подкатили две машины – газик представила кинофикация, а «Волгу» – райком комсомола. <...> В «Волге» катила Ренита Григорьева и, туго схваченный за горло ангиной, Наум Клейман. <...> У поворота с Чуйского тракта на Сrostки «Волга» остановилась, поджидая нас, и Шукшин вылез, походил, крикнув, улыбнулся решительно:

– Я, ребята, сяду в машину пошкарней, а? Для маминоного удовольствия и соседям поглядеть. По-нашему, по-деревенски – надо» [Макаров, 2005, с. 172].

Авторская ирония в адрес кандидата Константина Ивановича, как видим, имеет автобиографические корни. Фальшивость своего поведения, а возможно, и дорогих подарков, которыми он старался удивить деревенскую родню, зрелый Шукшин четко осознавал. Еще в одном рассказе 1970 г. «Крыша над головой» вновь появляется ложный дар: «прозревший» герой разбираемой пьесы Иван Петров сам поджигает свой дом, однако после того, как пожар потушен, он отдает его колхозу под ясли. Поступок героя не понятен большинству актеров театрального кружка. Очевидно, что сам Иван остался без дома, и ясли в сгоревшем доме обустроить нельзя. В итоге «Иван смущенный, но счастливый, подписывает вместе с другими парнями и девушками обязательство: сдать ясли к Новому году» (т. 5, с. 94). Но казенная формулировка и отсутствие указания на время действия рассказа не внушают доверия к тому, что ясли скоро обретут «крышу над головой». Подарок Ивана – дар ложный, более того, бессмысленный и противоречащий нормам традиционного крестьянского менталитета.

Вернемся к рассказу «Капроновая елочка». Подарок Нюрке от городского ухажера – искусственная елочка, эрзац рождественской ели – дар дешевый, мещанский, уровня глиняной кошки с бантиком или нарисованных на черном драпе лебедей, так часто и прямо порицаемый Шукшиным в публицистике («Вопрос самому себе»). Учитывая, что снабженцу в рассказе придаются атрибуты черта, капроновая елочка – это дар черта. Мотив подарка как дара нечистой силы реализован Шукшиным и в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» (1969):

Когда Андрей переступил порожек сарая, свояк Сергей Сергеич вдруг запрыгнул ему на спину и закричал весело:

– Ну-ка – вмах!.. До крыльца.

– Брось!.. – Андрей передернул плечами. – Ну?

Свояк сидел крепко.

– Ну, до крыльца! Ну? – Сергей Сергеич от нетерпения прищипорил в бока Андрею. – Ну!.. Шутейно же. Гоп! Гоп!.. Аллюром! Что, трудно, что ли?

Проклятый мотор! Черт его подсунил, не иначе. Стерва металлическая...

Андрей у крыльца чуть не сбросил свояка через голову, чуть не зашиб его об ступеньки, потому что тот, когда скакали, еще и орал:

– Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!.. (т. 5, с. 12).

Инфернальность, разгул бесовских сил в этом рассказе можно связать с «говорящей» фамилией свояка: Неверов. Свояк Сергей Сергеевич, оседлавший Андрея, напоминает гоголевского «черта, оседлавшего человека» [Куляпин, Левашова, 1998, с. 34].

В прозе середины 1960-х гг. и более поздней отношение писателя к дару становится еще определеннее. Мотив ложного дара прямо реализован в романе «Я пришел дать вам волю» (1970). Богатые подарки казаков астраханской знати есть не что иное, как обман, и в итоге дорого обойдутся тем, кто их принял:

Степан стоял прямо, в упор смотрел на сидящих за столом.

– А вот дары наши малые, – продолжал он, не оглядываясь.

<...> За столом случилось некое блудливое замешательство. Знали: будет Стенька, будет челом бить, будут дары... Не думали только, что перед столом будет стоять крепкий, напористый человек и что дары (черт бы побрал их, эти дары!) будут так обильны, тяжелы... Так захотелось разобрать эти тюки, отнести домой, размотать... (т. 4, с. 68).

Приведенные нами примеры, возможно, не исчерпывают все тексты Шукшина, но вполне показательны, их достаточно, чтобы утверждать наличие варианта мотива дара в художественном мире писателя – дара ложного, мнимого, который к тому же является атрибутом бесовской, нечистой силы. Источником для происхождения подобной семантики мотива дара могут быть дарственные надписи Шукшина, в которых, в свою очередь, могли прямо отразиться психологические и биографические явления, связанные с личностью самого Шукшина. В художественных текстах они получили более опосредованную реализацию. Дарить без каких-либо условий, без наложения долговых обязательств, героям Шукшина в художественном мире часто было так же сложно, как и самому писателю в реальной жизни.

Список литературы

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 1.
- Жак Деррида в Москве / Сост. М. К. Рыклин. М.: РИК «Культура», 1993. 208 с.
- Козлова С. М.* Игнаха приехал // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 112–113.
- Козлова С. М.* Поэтика рассказов В. М. Шукшина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. 184 с.
- Куляпин А. И.* Творческая эволюция В. М. Шукшина: Монография. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. 204 с.
- Куляпин А. И., Левашова О. Г.* В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. 102 с.
- Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
- Левашова О. Г.* Капроновая елочка // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 129–130.
- Макаров А. С.* Побывка в Сростках // Шукшинский вестник. Сростки, 2005. Вып. 1. С. 171–179.
- Маккарти Т.* Тинтин и тайна литературы. М.: Ад маргинем пресс, 2013. 176 с.
- Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Вост. лит., 1996. С. 83–222.
- Пешикова С. Н.* Экзамен // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 315–316.
- Пропп В.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Смирнов И. П.* Человек человеку – философ. СПб.: Алетейя, 1999. 372 с.
- Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин; ред.-сост. О. Г. Левашова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В. М. Шукшина. Диалог культур. 290 с.
- Шукшин В. М.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.
- Шукшин В. М.* Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М.: Воскресенье, 1999. 512 с.

References

- Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols]. Moscow, Terra, 1995, vol. 1.
- Jacques Derrida v Moskve [Jacques Derrida in Moscow]. M. K. Ryklin (Ed.). Moscow, RIK "Kul'tura", 1993, 208 p.
- Kozlova S. M. Ignakha priekhal [Ignaha arrived]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The creative works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, ASU Publ., 2007, vol. 3, pp. 112–113.
- Kozlova S. M. *Poetika rasskazov V. M. Shukshina* [Poetics of stories by V. M. Shukshin]. Barnaul, ASU Publ., 1992, 184 p.
- Kulyapin A. I. *Tvorcheskaya evolyutsiya V. M. Shukshina: Monografiya* [The creative evolution of V. M. Shukshin]. Ishim, P. P. Yershov ISPI Publ., 2012, 204 p.
- Kulyapin A. I., Levashova O. G. *V. M. Shukshin i russkaya klassika* [Shukshin and Russian classics]. Barnaul, ASU Publ., 1998, 102 p.
- Kulyapin A. I., Skubach O. A. *Mifologiya sovetskoy povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoy epokhi* [The mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era]. Moscow, LRC Publishing House, 2013, 240 p.
- Levashova O. G. Kapronovaya elochka [Capron Christmas tree]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The creative works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, ASU Publ., 2007, vol. 3, pp. 129–130.
- Makarov A. S. Pobyvka v Srostkakh [A visit to Srostki]. In: *Shukshinskiy vestnik* [Shukshinsky vestnik]. Srostki, 2005, iss. 1, pp. 171–179.
- McCarthy T. *Tintin i tayna literatury* [Tintin and the secret of literature]. Moscow, Ad marginem press, 2013, 176 p.
- Moss M. Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh [Essay on the gift. The form and basis of exchange in archaic societies]. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology]. Moscow, Vost. lit., 1996, pp. 83–222.
- Peshkova S. N. Ekzamen [Exam]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The creative works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, ASU Publ., 2007, vol. 3, pp. 315–316.
- Propp V. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad, Academia, 1928. 152 p.
- Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works in 9 vols]. D. V. Mar'in (Ed.). Barnaul, "Barnaul" Publ. H., 2014.
- Shukshin V. M. *Nadeyus' i veruyu: Rasskazy. Kinopovest' "Kalina krasnaya". Pis'ma. Vospominaniya* [Hope and belief: stories. The newsreel "Kalina Krasnaya". Letters. Memories]. Moscow, Voskresen'e, 1999, 512 p.
- Smirnov I. P. *Chelovek cheloveku – filosof* [A man is a philosopher for a man]. St. Petersburg, Aleteyya, 1999, 372 p.
- Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. T. 2: Estetika i poetika prozy V. M. Shukshina. Motivy i simvoly tvorchestva V. M. Shukshina. Dialog kul'tur* [The creative works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference. Vol. 2, Aesthetics and prose poetics by V. M. Shukshin. Motives and symbols of creation of V. M. Shukshin. Dialogue of cultures]. A. A. Chuvakin (Ed.), O. G. Levashova (Comp.). Barnaul, ASU Publ., 2006, 290 p.

Сведения об авторе

Марьин Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, начальник управления информации и медиакоммуникаций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
marin@mail.asu.ru

Information about the author

Dmitrii V. Maryin – Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of Information and Media Communications Department of the Altai State University (Barnaul, Russian Federation)
marin@mail.asu.ru